

От Сталина и до Путина

— ЭТО ЖИЗНЬ МОЯ

8 сентября нашему земляку, бывшему секретарю обкома КПСС, исполнилось бы 90 лет. Он не дожид до своего юбилея чуть больше месяца. А два года назад вышла в свет его автобиографическая книга «От Сталина и до Путина — это жизнь моя». Сегодня мы публикуем отрывки из нее.

— Семья моя — из Перемышля, В 1915 году мой отец — Алексей Павлович — драгун Уссурийской казачьей дивизии Приамурского драгунского полка, находясь на излечении в госпитале, влюбился в юную санитарку, сироту Наталью Леонову. И после увольнения по ранению из армии обвенчался с ней и привез в Перемышль. Жили они сначала у родителей отца, а потом купили ветхий маленький домик в два окошка. Обустроили его. Сейчас, в пандемию коронавируса, я вспоминаю, как отец рассказывал, что в 1918 году свирепствовала испанка. Маме тогда было 17 лет, она ее подхватила, сильно болела, чудом выжила...

В том же 1918-м у них родилась моя старшая сестра Антонина. Потом появились на свет Татьяна, Константин, Алексей, Николай. Стало тесно в домике. И семья, подкупив денег, переехала в половину большого дома на ул. Коммунаров. А вторая половина принадлежала большому скандалисту Гаврюше Пряникову. Он, разругавшись с моим отцом, отломал свою половину. Так и жили в разломанном доме.

Пол в зале на ночь застилался самодельными ватными тюфяками, клались подушки, одеяла. И спали по 5-6 ребят. Чтобы не беспокоили блохи, мать летом подкладывала под наши головы стебли конопли (теперь она вне закона). В спальне стояла металлическая кровать с 4 медными шпиками. Над кроватью висела люлька. В ней спал новорожденный до рождения следующего ребенка. В 1930 родился брат Иван, в 1932-м — я, Шура. Отец с гордостью заявлял знакомым: «Шурка в рубашке родился — далеко пойдёт!» А в 1935-м появилась на свет младшая сестра Наташа, которую мы звали Тасей и в 38- последний ребенок — брат Женя. Всего в семье было 9 детей. И всех мать вырастила, выучила в тяжелейшие времена: революция, гражданская война, голод, разруха, коллективизация, жизнь на оккупированной фашистами территории. И это настоящий подвиг. Всех она воспитала патриотами. И в 1944 году она была награждена орденом «Материнской славы 1 степени». А потом еще растила практически с грудного возраста внука и внучку, забрала из к себе в Перемышль. Получается, что 11 детей подняла. Мать имела твердый характер, посещала все собрания в школе, контролировала домашние задания, ее было не обмануть. Она, не имея начального образования, отлично выучила с нами всю школьную программу, занималась самообразованием. Я до сих пор восхищаюсь ее педагогическим талантом.

Первая трагедия

— В мае 1941 года я перешёл во второй класс. А старший брат Константин закончил 10-й. Он хотел поступить в военное училище, но его не брали из-за близорукости. Маму возмутила такая, по её мнению, несправедливость и она пошла в райвоенкомат, требовала не дискредитировать желание её сына стать военным. Константина направили в военное училище химзащиты в Молотовскую область (сейчас это Пермский край). Только мы проводили его, как 22 июня 1941 года Молотов сообщил, что на СССР напали немецко-фашистские войска. С этого момента вся наша семья, можно сказать, не отрываясь от черной «радиотарелки», слушала тревожные сводки «Совинформбюро». Наши войска отступали. Вскоре через Перемышль со стороны Орловской области в сторону Тулы стали перегонять стада коров. В самом Перемышле были сожжены большой склад с зерном и молокозавод. Ближе к августу началась эвакуация госучреждений. Отец повёз нашу семью и семью своей родной сестры на двух райвоенкомовских подводах (он тогда работал в военкомате) в Борищево, к знакомым. Но по дороге командир отступающего отряда красноармейцев повернул нас обратно: «Куда вас чёрт несёт! В лапы к немцам! Возвращайтесь! Мы никогда не сдадим Перемышль!» Мы с радостью вернулись домой, достали из погреба спрятанные пожитки.

А в самом начале сентября через Перемышль двигалась вторая волна отступающих частей Красной Армии. Один красноармеец зашёл к нам попить воды и сказал, чтобы мы немедленно уходили, немцы скоро будут здесь. Отец снова на двух подводах повёз семью в Малютино.

9 октября Перемышль оккупировали немцы. К ноябрю их комендант издал приказ: всем беженцам вернуться, а те, кто их скрывает, будут расстреляны. Хозяйка дома, где мы жили, сразу отказала нам в дальнейшем проживании. Жилья нет, лошадей нет, на улице ноябрь. Мой брат Николай пошёл на разведку. Вернувшись, сказал, что наш дом цел, на Оке и озере ледостав, можно напрямик добираться.

С большим трудом мы возвратились в оккупированный Перемышль. Войдя внутрь покинутого два месяца назад

дома, увидели, что стены и потолок черны от копоти. Немцы хотели протопить печь, но не вытащили из дымохода задвижку... Так началась наша жизнь в оккупации. Помню, как пришёл немец, стал требовать продукты. Убедившись, что ничего нет, увидел в вазочке сахар для младшего брата (это была сахарная пыль с волокнами, вытряхнутая из пустых мешков в магазине). С ослепленного пальца слизнул песок, сказав: «Зюс» и забрал его с собой.

Однажды я с ребятами пошел посмотреть на подбитый броневик. Внутри него было много гильз. Люди рассказывали, что экипаж до последнего патрона отстреливался из пулемёта. После боя обгоревшие тела двух мужчин и девушки были вынуты из броневика и похоронены здесь же, на перекрестке под телефонным столбом. После освобождения Перемышля их перезахоронили в братскую могилу.

Помню, как в конце ноября у нашего дома поворачивала огромная колонна немцев. К нам зашел грустный немецкий солдат и разоткровенничался. Сказал, что он болгарин, что не хочет воевать, но его насильно гонят к Москве, где он будет убит.

На улице стоял лютый холод. Для отопления по приказу коменданта были вырублены яблоневые сады. Нас, ребятшек, немцы заставили складывать дрова к кухне бывшего детского сада. Там они готовили себе еду. За работу дали нам по маленькому пакетику леденцов. Когда я пришел домой, мама вырвала у меня из рук этот пакетик и бросила в отхожее место.

В Рождественскую ночь, с 24 на 25 декабря немцы были выбиты из Перемышля. Следующий, 1942 год, был для нас очень тяжёлым: мы остались совсем без продуктов. Отец ездил на место боёв, где были убиты лошади и привозил большие куски конины. А весной, когда оттаяли карто-

фельные поля, мы искали оставшуюся картошку. Но это оказались не все наши беды. Осенью мы получили письмо: мой брат Константин погиб на фронте. От свалившегося на нас горя ревели ревом. Особенно убивалась мать, она навзрыд кричала, металась и рвала на себе волосы. Константину было всего 19 лет, не пожил совсем.

Смерть Сталина

— В 7 классе я был принят в члены ВЛКСМ. Классные и комсомольские собрания проходили бурно, с критикой и самокритикой. В 10-м классе мне особенно нравилась история. На письменном экзамене по литературе я выбрал свободную тему, писал о Великой Отечественной войне и о роли в ней Главнокомандующего Сталина. Закончив школу, поступил в Калужский педагогический институт. Но средств не хватало, и после первого семестра, в 1951 году, пришлось перевестись на заочное отделение. Пере-

мышльское РОНО направило меня в Ладыгинскую семилетнюю школу вместо тяжело заболевшего там учителя математики. Я его замешал, но для меня это была мука: в математике у меня никогда не было особых успехов. Через год поступил на заочное отделение Московского института иностранных языков. И в той же школе стал немецкий преподавать. В 1952-м году секретарь парторганизации уговаривал меня вступить в партию, ты, мол, комсомольский секретарь, надо быть коммунистом. В марте 1953-го я вступил в партию.

Помню, как 5 марта 1953 года по радио сообщили о смерти товарища Сталина и о том, что гроб с телом вождя для прощания установлен в Колонном зале Дома союзов. 7 марта я отпросился с работы и стал добираться до Москвы. Ближе к вечеру прибыл в столицу. Немного передохнул у сестры Татьяны. И дворами, тайно, как мне казалось, пробрался на пл. Дзержинского, с которой хорошо был виден доступ в Колонный зал. Но, оказывается, тайно, пробирались сюда сотни людей, желающих вне очереди простить-

ся со Сталиным. Офицеры госбезопасности сформировали из нас большую колонну под предлогом, что скоро поведут к Дому союзов. Вместо этого колонну окружили военные, развернули её обратно и расформировали, предложив встать в конец очереди.

В очередь я встал в час ночи 8 марта. Вдоль бордюра стояли грузовики, не давая войти в очередь и выйти из неё. И только к часу ночи 9 марта (через сутки) продвинулся до Пушкинской площади, до Дома союзов осталось совсем немного. Но тут прозвучало сообщение о прекращении доступа к Сталину. Я предпринял попытку пробраться к Красной площади, но все пути были перекрыты. Удалось пройти только на мост через Москву-реку. Но оттуда не было видно траурной процессии, только слышны гимн Советского Союза и артиллерийские залпы.

А в 1956 году XX съезд КПСС подверг разбору уроки культа личности Сталина. Я с недоумением слушал выступления делегатов. Негативная оценка деятельности вождя не укладывалась в моем сознании, вступала в противоречие с моими личными оценками Сталина, под руководством которого мы одержали победу в войне и восстанавливали хозяйство.

Работа с Кандрёновым

— В 1958 году мне предложили должность в райкоме партии в отделе пропаганды и агитации. Я не хотел идти, потому что в это время был директором в сельской школе. Но первый секретарь Перемышльского обкома сказал: «Ты член партии, пойдёшь, куда прикажут!» С тех пор я 32 года отработал в обкоме, горкоме на разных должностях. В 31 год стал секретарём райкома партии по идеологии. В 45 лет работал в обкоме партии.

21 год рука об руку работал с Андреем Андреевичем Кандрёновым, и имею полное право сказать, что он, действительно, много сделал. Именно он добился открытия филиала МГТУ им. Баумана, создавал для него учебно-материальную базу, передал студентам два общежития. Занимался подбором и воспитанием кадров, особенно председателей колхозов и директоров совхозов. Благодаря этому область добилась больших успехов в подъеме экономики и в 1967 году была награждена орденом Ленина. Он увлекался в область корреспондентов центральных каналов, газет и журналов, предоставлял им квартиры. Делалось это, чтобы Калужская область постоянно фигурировала на телевидении.

(Продолжение следует).